

ЭТЕЛЬ ЛИЛИАН

ВОЙНИЧ

ЭТЕЛЬ ЛИЛИАН
ВОЙНИЧ

Оливия Лэтам
Джек Реймонд

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-32
ББК 84(4Вел)-44
В65

Серия «Зарубежная классика»

Перевод с английского
Раисы Бобровой и Натальи Высоцкой («Оливия Лэтам»),
Норы Галь («Джек Реймонд»)

Серийное оформление *А. Кудрявцева*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Войнич, Этель Лилиан.

В65 Оливия Лэтам; Джек Реймонд : [романы : перевод с английского] / Этель Лилиан Войнич. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 384 с. — (Зарубежная классика).

ISBN 978-5-17-163203-8

В этот сборник вошли произведения Этель Лилиан Войнич, не менее захватывающие, чем ее знаменитый «Овод».

«Оливия Лэтам» — сильный и драматичный роман о личной трагедии, одиночестве и силе духа, основанный на впечатлениях писательницы от пребывания в России в 1887–1889 годах.

Главная героиня — девушка с невероятной силой воли и ярко выраженным чувством долга. Ее возлюбленный — русский скульптор и участник революционного движения Дамаров. Он прошел тюрьму и прожил какое-то время в Англии, но теперь, вернувшись в Россию, оказался под жестким надзором. Оливия, желая воссоединиться с любимым, отправляется вслед за ним в Петербург...

«Зачем ты меня создал и никому не приказал меня любить?» — по ночам вопрошает у Бога мальчик-сирота Джек Реймонд, который по воле обстоятельств вместе с сестрой был отдан на воспитание их бездушному дяде-священнику.

Невзирая на жестокость, с которой сталкивается Джек день за днем, он остается добрым и честным, заступает за слабых и готов бороться за правду. Потрясающая история о ребенке, лишенном детства, чей сильный характер помогает ему вынести все удары судьбы.

УДК 821.111-32
ББК 84(4Вел)-44

© Перевод. Н. Галь, наследники, 2024
© Перевод. Р. Боброва, наследники, 2024
© Перевод. Н. Высоцкая, наследники, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

ISBN 978-5-17-163203-8

Оливия Лэтам

*Дурные, злые песни,
Печали дней былых, —
Я все похоронил бы,
Лишь дайте гроб для них.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I

Когда Альфред Лэтам окончил в начале шестидесятых годов Кембриджский университет, никто не сомневался в том, что он далеко пойдет. Будет просто непостижимо, сказал ему один из преподавателей, если он не оправдает возлагаемых на него надежд.

И в самом деле, поначалу все складывалось для молодого человека как нельзя лучше: он не только с отличием закончил университет, но и обладал прекрасным здоровьем, тонким умом, был неприхотлив и не имел пороков. Скорее врожденная порядочность, чем соображения морального порядка, удерживала его от дурных поступков, а любовь к спорту и чувство юмора защищали от низменных соблазнов.

Он был сыном провинциального банкира — человека уравновешенного и старомодного — и вырос в чистой, здоровой обстановке, не зная пагубного влияния нищеты и богатства. Его равно интересовали как древняя ассирийская культура, так и новейшие достижения в области ассенизации, а зрелище удачно сыгранной партии в крикет доставляло ему не меньше удовольствия, чем поэмы Данте или органные фуги Баха.

Но у Альфреда Лэтама была одна страсть — народное образование. Он мечтал о публичных библиотеках и общедоступных университетах, о техническом образовании и спорте для всех, о вечерних лекциях и образцовых начальных школах.

Предполагалось, что Альфред, как старший сын, станет компаньоном отца в банке, но по окончании университета

молодой человек объявил, что хочет быть школьным учителем. И родственники охотно согласились, что он вправе сам выбрать себе будущую профессию. Однако от их благодушия не осталось и следа, когда он отказался от хорошего места, которое они с трудом для него отыскивали, и предпочел захудалую школу в трущобах какого-то фабричного городка на севере. Протесты возмущенных родственников и друзей ни к чему не привели. Для чего же, спрашивали они, получил Альфред университетское образование? Чего он надеется добиться, растрачивая свои силы и способности на этих неотесанных ланкаширских юнцов?

— Подождите немного, пока эти неотесанные юнцы подрастут, и вы увидите, чего я смог добиться, — отвечал молодой человек.

И родне не пришлось долго ждать. Через два года после окончания университета он женился по любви. Все друзья горячо одобряли его выбор: жена Альфреда была, бесспорно, красива, а мягкое выражение ее лица служило залогом хорошего характера. Правда, они не совсем представляли себе, как сможет хрупкая, изнеженная женщина вынести те лишения, на которые ее обрекал энтузиазм мужа. Бедность, тяжелая работа, непривычное окружение, перепачканные дети, постоянно осаждающие дом учителя, — все это, может быть, вполне устраивало Альфреда, раз уж он сам избрал такой путь. Но как же он не понимает, что для Мэри такая жизнь будет слишком тяжелой?

Но Мэри проявила чисто ангельское смирение и не роптала. Она с самого начала поняла, что муж несравненно умнее и талантливее ее, и поклонялась ему, как божеству. Мэри была глубоко религиозна, и хотя упорное стремление мужа завоевывать для людей невежественных блага просвещения казалось ей не столь идеальной формой христианского милосердия, как раздача теплых одеял и талонов в бесплатную столовую, — все же он посвящал все свое время неимущим и был, следовательно, хорошим христианином. Жаль только, что некоторые его высказывания не отличались должным благочестием.

Но заимствованные у другого и плохо понятые общественные идеалы не могут, конечно, служить надежной опорой в борьбе с повседневными трудностями. Кроткая Мэри не жаловалась, но как же ей хотелось, чтобы благотворительность мужа выражалась в более общепринятых, а не таких отталкивающих формах! А потом одна за другой посыпались неприятности: болезни в доме, нужда у соседей, финансовые затруднения со школой, и — что хуже всего — местные церковники обвинили учителя в распространении среди школьников «вредных идей Дарвина».

Мистер Лэтам только смеялся над их нападками, но для его жены это был тяжелый удар. Она никогда не понимала убеждений Альфреда, которыми тот пытался делиться с ней, и жестоко страдала от этого. Но мучило ее не оскорбленное самолюбие (Мэри не была самолюбива), а совсем другое: слова мужа будили в ней смутный страх перед чем-то еретическим, разрушительным, что может подорвать самые устои ее веры, если только всевышние силы не помогут ей. Она искала спасения от этих наваждений в горячих молитвах, прося Бога охранить ее от сомнений и греховной неуверенности. Казалось, Бог внял ее молитвам; во всяком случае, муж перестал говорить на волновавшие ее темы. Пожалуй, он вообще перестал с ней говорить. Порой, когда миссис Лэтам плохо себя чувствовала или была чем-то удручена, в душу ее закрадывался леденящий страх: что, если муж уже не любит ее как раньше? Но, вглядываясь в его худое, измученное лицо, она начинала горько упрекать себя за то, что так плохо думает о своем хорошем муже.

В дальнейшем сомнения миссис Лэтам приняли другую форму. Почему же муж перестал любить ее? Может быть, потому, что после рождения ребенка она уделяла слишком много внимания младенцу в ущерб своим супружеским обязанностям? А может быть, причиной всему извечное непостоянство мужчин? Или она просто надоела ему, оттого что часто болеет и красота ее вянет? И миссис Лэтам нередко украдкой плакала.

Что касается мистера Лэтама, то он не задавал себе больше вопросов: ответы были ему уже давно известны. Характер его, который миссис Лэтам была склонна теперь считать изменчивым, на самом деле отличался прямо-таки роковым постоянством. Его жалкая школа стала для него святыней, в ней он видел смысл и оправдание всей своей жизни. Легко ли было ему сознавать, что в лице Мэри, — а он понял это еще раньше, чем она сама, — его любимое дитяще обрело смертельного врага?

«Я сам во всем виноват, — думал мистер Лэтам, — бедняжка Мэри ни в чем не виновата». Она хорошая женщина, но ему нужна не такая жена. И он, как человек более умный, должен был с самого начала это понять. Он совершил ошибку и должен расплачиваться за ее последствия; должен продолжать работу, не бросая жены, ставшей ему помехой, а не помощницей, должен заботиться о том, чтобы она была счастлива. Правда, последнее ему навряд ли удастся, с горечью думал он, скорее это по плечу церковникам, так жестоко поносившим его. Но он постарается быть внимательным, заботливым мужем, и она никогда не догадается, каких ему это стоит усилий.

Второй ребенок — девочка — родился через три года после их свадьбы. Как-то вечером, когда ребенку было всего несколько дней, мистер Лэтам сидел подле кровати, на которой лежала Мэри, и читал ей вслух. Поэма, выбранная Мэри, рассказывала о переживаниях некоей набожной леди, лицезревшей гору Олив. Строгому вкусу мистера Лэтама претила даже обложка этой книжки, но, будь ее автором сам Мильтон, он не смог бы читать ее более ровным, почтительным тоном. Поглядывая время от времени на нежный профиль жены, он думал: «Я понимаю, что бедняжка не замечает всей нелепости этой вещи, но как ее только не тошнит от такого дешевого рифмоплетства?»

— Альфред, — сказала она, когда он кончил, — мне бы хотелось назвать нашу девочку Оливией.

Он с трудом скрыл свое неудовольствие.

— В честь этой поэмы?

— Не совсем... Видишь ли, это имя напоминает мне кое-что. Но если оно тебе не нравится, выберем другое.

— Оно мне нравится, — мягко ответил он. — У меня с ним тоже связано много воспоминаний.

Она посмотрела на мужа, улыбаясь сквозь слезы.

— Да? О Альфред, дорогой мой, как это меня радует. — Ее тонкие пальцы нервно тербели запонку на его рукаве. — Может быть, нехорошо, что я так говорю... ты так всегда добр ко мне... но... мне иногда кажется, что ради этой школы ты все забыл... Помнишь тот закат, что мы видели с Монте Оливето? И наше возвращение ночью во Флоренцию?

Он чуть поморщился, но не стал ее разубеждать, и, склонившись над лежащим между ними ребенком, они обменялись поцелуем. Она погрузилась в воспоминания об их медовом месяце, проведенном среди темных тосканских холмов, а он думал о своих разбитых надеждах и голубе, который не вернулся к Ною в ковчег.

Прошло около двадцати пяти лет. Мистер Лэтам, убеленный сединами директор банка в Суссексе, подъезжал в своем экипаже к железнодорожной станции Хатбриджа, находившейся в трех милях от его имения, чтобы встретить прибывающий туда поезд.

Был чудесный летний день, и живая изгородь, вдоль которой он ехал, благоухала шиповником и жимолостью. Несмотря на то что он ехал один, чувство счастья охватило банкира и отразилось на его красивом, умном лице. Он и впрямь был сегодня счастлив: его дочь Оливия приезжала домой на каникулы. Последние семь лет она жила в Лондоне. Вначале девушка обучалась там уходу за больными, а потом работала медицинской сестрой в трущобах Серрея. Свой летний отпуск она всегда проводила с родителями, да и зимой ей обычно удавалось вырваться на несколько дней. Но в этом году у нее было очень много работы, и со дня ее последнего приезда прошло уже десять месяцев. Мистер Лэтам считал дни, оставшиеся до приезда дочери,

с нетерпением школьника, ждущего каникул. Каждое утро он просыпался с мыслью, что прошли еще одни сутки и скоро, совсем скоро она приедет домой. Только то, что касалось Оливии, волновало его теперь. За истекшие годы его положение упрочилось, хотя он и не обрел покоя. Он был искренне привязан к жене и младшей дочери — хорошенькой Дженни, — но, если бы одна из них умерла, это не нарушило бы его душевного равновесия. Безупречный муж и отец, он жил обособленной от семьи жизнью, не делясь ни с кем своими сокровенными мыслями.

Одна Оливия безраздельно владела его сердцем. В ней словно ожили забытые чаяния его юности, дерзкие мечты, привязывавшие его к жалкой школе. Ее приезды домой, как он жадно ни ждал их, доставляли ему не только радость, но и глубокое страдание: в ясных, чистых глазах Оливии ему чудился немой упрек за бесцельно растроченные им юные годы. Вот и сейчас оживление на его лице сменилось привычной грустью, как только он подумал об этом. Двадцать четыре года обеспеченного существования не стерли пятна, оставленного на совести богатого банкира его бегством из захудалой школы. Он предал свою первую любовь, и призрак ее все еще преследовал мистера Лэтама. Но разве мог он после такой неудачной женитьбы поступить тогда по-другому? После того как родилась Оливия, Альфред Лэтам в течение двух страшных лет вел отчаянную борьбу с нищетой, сплетнями, грязными интригами и молчаливым, мягким, убийственным влиянием Мэри. В конце концов ее слезы сломили его сопротивление. Ему было бы легче противостоять ей, если бы она ссорилась с ним, жаловалась, препятствовала в чем-либо. Но постоянно видеть перед собой обреченную, смирившуюся со своей судьбой жертву оказалось ему не под силу. И все же он продолжал цепляться за школу. А потом их маленький сын умер от скарлатины, подхваченной, несомненно, от одного из тех оборванцев, которые постоянно прибегали к ним в дом, чтобы поделиться своими огорчениями и радостями «с учителем». Мэри заболела от горя.

— Она смертельно боится этого дома, школы и всего, что связано с вашей работой в трущобах, — сказал ему доктор. — Пребывание в деревне не излечит ее. Вы должны хоть на время уехать отсюда, если хотите, чтобы она выздоровела и снова узнала радость.

Альфред Лэтам уехал оттуда навсегда, стал компаньоном отца, а после его смерти — директором банка. Однако принесенная им жертва не оказала ожидаемого воздействия на здоровье Мэри. После рождения Дженни болезнь ее приняла хронический, неизлечимый характер. Все же она казалась если не счастливой, то, во всяком случае, удовлетворенной, и всегдашняя кротость и мягкость характера не изменили ей. А что до него — то он перестал бороться с судьбой, которая, надо сказать, вполне компенсировала его за утрату. С точки зрения окружающих, Альфред Лэтам был просто счастливчиком, любимцем богов, щедро осыпанным их милостями: богатство его росло, сам он пользовался всеобщим уважением, был членом Аристотелевского общества, отцом двух прекрасных дочерей — одним словом, имел все, чего только может пожелать человек.

Мистер Лэтам натянул поводья и, нагнувшись, сорвал ветку шиповника для Оливии. Он знал, как ее обрадует пышная растительность Суссекса после лишенных зелени трущоб, где она работала. Но Оливия сама выбрала такую работу, и ни один человек не был так безгранично счастлив своим выбором, как Оливия; она казалась прямо-таки созданной для своей профессии. Решение Оливии доставило немало огорчений ее кроткой матери, но мистер Лэтам проявил на этот раз твердость: пусть их дочь сама решает свою судьбу и пусть никто и ничто не довлеет над ней в выборе жизненного призвания. Про себя он подумал, что Оливия и без его вмешательства поступила бы по-своему, но Мэри он этого не сказал. Он лишь заметил:

— Ничего дурного не приключится с ней оттого, что она поближе познакомится с жизнью. Она достаточно разумна и всегда сумеет отличить плохое от хорошего. Вот Дженни у нас совсем другая.

Миссис Лэтам не противилась. Возможно, она и сама понимала, что противоречить Оливии бесполезно. С раннего детства девочка отличалась спокойным, уравновешенным характером и непреклонной решимостью во всем, что касалось ее личных дел. Когда ей исполнилось девятнадцать лет, она должна была поехать на стажировку в лондонскую детскую больницу. Мать подарила ей «Избранные места из Библии» и поэмы Франсиса Ридли Гавергала в красивых, тисненых золотом переплетах. Оливия приняла подарок с подобающим изъяснением благодарности, после чего отправилась к отцу в кабинет и сказала:

— Нет ли у тебя двух коробок, папа? Я бы спрятала туда эти книжки, чтобы не попортились переплеты. Пусть лежат себе там. А для чтения дай мне с собой несколько настоящих книг, но только немного, потому что, работая в госпитале, я буду иметь мало свободного времени.

— Бери что хочешь, — ответил отец, и Оливия сейчас же приступила к отбору.

Брови отца медленно поползли вверх, когда он взглянул на отложенные книги: Эпиктет, проза Мильтона, «Апология Сократа». «Бедная Мэри», — подумал он после ухода дочери. Та же мысль промелькнула у него и сейчас, когда он положил на сиденье сорванную ветвь и поехал дальше.

Мистер Лэтам вспомнил день, когда впервые подметил, каким непреклонным характером наделена его старшая дочь. Тогда он не знал, печалиться или радоваться этому открытию. Оливии было тринадцать лет. Она взбудоражила весь дом, придя с улицы с грязным младенцем на руках, а пьяная бездомная женщина, у которой она отобрала ребенка, шла за ней следом, бормоча безобразные ругательства, но не решаясь буянить.

— Перестаньте браниться, — хладнокровно заметила Оливия, усаживаясь в передней в кресло и не выпуская из рук свой оравший во все горло трофей. — Вы недостойны быть матерью, если держите своего ребенка вниз головой и не можете его успокоить, когда он плачет. Отправляйтесь на кухню и окатите голову холодной водой из-под крана.

Мистер Лэтам засмеялся, вспомнив комизм и нелепость этой сцены: перепуганные слуги, грудной младенец, слезливое смирение пьяной матери, чей гнев был усмирен неумолимой логикой маленькой укротительницы в тупоносых башмачках, с копной непослушных волос. Но смех замер на губах мистера Лэтама, когда в памяти его ожили тяжелые дни, пережитые им прошлой зимой. Оливия должна была приехать на Рождество домой. Он получил от нее письмо, где она, как полагал мистер Лэтам, писала о дне своего приезда, но, взглянув на штамп, он понял, что она не приедет. Письмо было из городка в Стаффордшире, где свирепствовала эпидемия оспы. Оливия отправилась добровольцем в больницу, специально открытую там на время эпидемии. И тогда, впервые в жизни, мистера Лэтама охватило чувство слепой паники. Он сел в первый же поезд, отправлявшийся в Стаффордшир, с безумной мыслью сказать ей, что не может без нее жить, заклинать ее все бросить и вернуться; пусть кто-нибудь другой, кого не так любят, кто не так дорог, как она ему, выхаживает заболевших оспой. Он вспомнил мучительное получасовое ожидание в темной побеленной комнатке; солнечный луч, заглянувший в комнату при появлении Оливии; ее гордо поднятую голову, когда она приблизилась к нему, высокая и стройная, в белом халате, пропахшем лекарствами. Он в смятении оправдал чем-то свой приезд, поговорил с ней о всяких пустяках те несколько минут, что она смогла урвать от работы, и уехал. В ее присутствии не было места малодушию. А теперь эпидемия кончилась, и она ехала домой отдохнуть и присмотреть за больной матерью. Ее присутствие хоть на два-три месяца скрасит его унылое существование. А может быть, Оливия согласится заниматься своим любимым делом где-нибудь здесь, недалеко от дома? Опытная медицинская сестра могла бы принести столько пользы беднякам здешнего округа... Ей, дочери Альфреда Лэтама, можно бы и не думать о собственном заработке.

На перроне к нему подошел носильщик.